

Борис Ардов: в двадцатые годы все жили беззаботно и весело

Голос России - daily. - 1997 - 26 июля. - С. 9

Судя по учебникам истории, в 20-е годы в нашей стране жизни не было, а были гражданская война, голод и разруха. Тем не менее это не совсем так. То есть и голод, и разруха, разумеется, были. Но одновременно с ними были и дружеские вечеринки с картами, и веселые кампании со смешными историями, и любовь. Сеем утверждать, что в 20-е годы известный писатель Виктор Ардов был счастлив. Более того, ему везло — и в любви, и в картах. А это, согласитесь, уже очень и очень немало. Обо всем этом рассказывает сын писателя, театральный художник БОРИС АРДОВ.

Двадцатые годы для моей семьи были веселыми и бурными. Отец только начал свою журналистскую карьеру. Его личная жизнь кипела. Она состояла из двух женитьб и развода. В 1923 году батюшка мой женился первый раз на совершенно прелестной женщине Ирине Ивановой. И переселился к ней, в квартиру ее родителей в Садовниках, недалеко от Кремля. Сейчас эта улица Татьяна Макаровой. Квартира Ивановых после революции была «ужата» до двух комнат. В одной комнате жили старики, в другой — Ардов с женой. До женитьбы отец обитал в квартире своих родителей на Гоголевском бульваре. После развода он продолжал жить все в той же комнате своей первой жены вместе со своей новой женой, актрисой МХТ Ниной Ольшанской... Представляете, в одной комнате одновременно жили первая жена моего отца с новым мужем и Виктор Ардов со второй женой — моей мамой, и ее сыном от первого брака Алешей Баталовым. Еще к ним заходил бывший муж моей мамы Владимир Баталов. При этом, заметьте, жили они очень дружно и вели общее хозяйство.

В доме постоянно были гости: Маяковский, Вольпин — соавтор Эрдиана и другие. Жители этой перенаселенной комнаты и их гости проводили время за игрой в карты на деньги. Часто ночи напролет. Поскольку все они были страшные картежники.

Из-за страсти к покеру случилась смешная история. Владимир Баталов отлично знал немецкий язык и по этой причине работал на какой-то концессии с немецкими специалистами. Офис располагался в гостинице «Националь». Засидевшись за покером до утра с большой

Вторая жена Ардова Нина Ольшанская была актрисой МХТ

«семьей» своей бывшей жены, Баталов, естественно, опоздал на работу. Можете вообразить гнев его начальника-немца. Но когда провинившийся объяснил причину своего позднего прихода, немец расхохотался. Володя сказал что-то типа: «Вчера я играл в покер с моей женой, мужем моей жены, женой мужа моей жены и мужем жены мужа моей жены». Начальника это так обрадовало, что он весь день водил Володю по «Националю», и всем немцам Баталов повторял свою крылатую фразу.

Между прочим, половину стоимости первой кооперативной квартиры в Нащокинском переулке, переименованном впоследствии в улицу Фурманова, куда мои родители переехали от бывшей жены моего отца, оплатила матушка, Нина Ольшанская. Случилось это в 1926 году. Не знаю точно, сколько это было денег, но, по-моему, сумма огромная. Она эти деньги выиграла в карты.

В этот раз играли не в нашем доме. Старик (Виктор Ардов. — „Ъ“) с мамой пошли к Асееву. Там был какой-то еще иностранец, и, по-моему, Светлов. Ба-

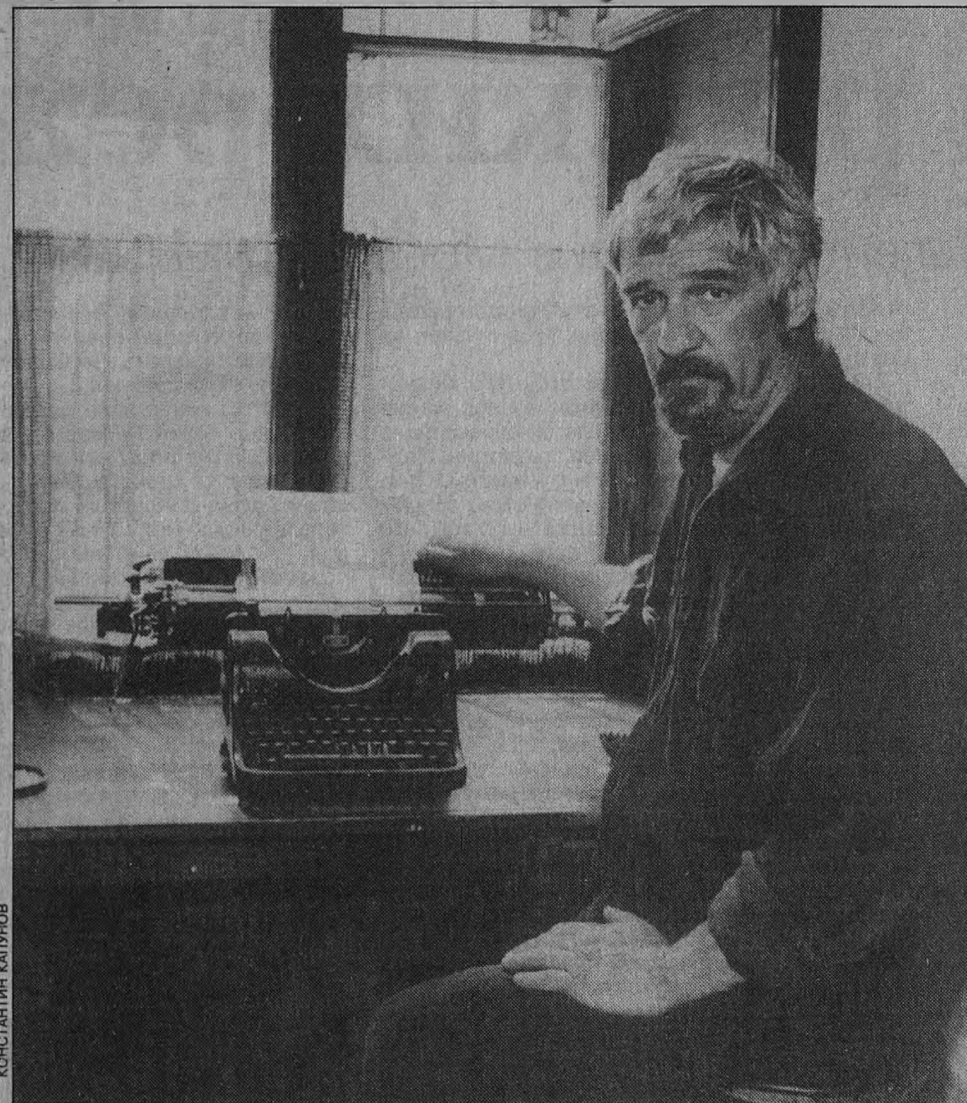

Виктор Ардов в 20-е годы слыл красавцем

тюшке-то надоело, он поиграл часок, а потом спросил: «Можно я у вас тут посиплю?» — и ушел спать. А мама просидела всю ночь и к утру выиграла сумму на пол-квартиры в первом кооперативном доме литераторов.

Кроме карточных игр, родители часто ходили в театры, на премьеры. Если была премьера у Мейерхольда, то все друзья и знакомые моих родителей валили туда. Вечерами все они много времени просиживали в «Стойле Пегаса», в «Кружке художественной интеллигенции», который потом переименовали в ЦДРИ, в доме Герцена, описанном Булгаковым как писательский дом Грибоедова, ну, эти места знают все.

У Старика была очень хорошая речевая реакция, быстрая. Он принимал активное участие в проводимых Маяковским диспутах. Великий пролетарский поэт едкие реплики отца из зала любил. Как-то Старик немного припоздал и пробирался поближе к сцене, чтобы не слишком орать. Его увидел со сцены Маяковский, он до этого привез из Парижа машину «рено» и поставил ее перед театром, в

Борис Ардов за пишущей машинкой Анны Ахматовой

котором проходил диспут. Увидев Старика, он спросил: «Ардов, вы там „рено“ моего не видели?» На что Ардов ответил: «Ни хрено я не видел».

В разгар НЭПа те «новые русские» периодически устраивали грандиозные вечеринки в ресторанах, где столы ломились от яств. Развлекать себя они звали моего батюшку, Смирнова-Сокольского, Ильинского. Ну, они приходили, весело начинали, потом хамили и

был бабник и любил пококетничать с продавщицами.

Мама, Нина Ольшанская, имела изумительный вкус. В двадцатые годы она шла у Ламановой, которая занималась в то время костюмами во МХТе. Познакомились они на одной из репетиций. На маму напялили какое-то платье, которое ей страшно не понравилось, и она с горя заплакала. Ламанова, присутствовавшая при этом, увидела слезы и спросила: «Деточка, почему вы плачете?» Мама ответила, что, мол, платье не нравится. Ламанова сказала: «Ничего страшного, сошьем новое. Приходите ко мне. Вы хорошая девочка».

В доме родителей часто бывала Ахматова. Знакомство с ней состоялось в тот период, когда мама и батюшка уже жили в кооперативной квартире в Нащокинском. В квартире этажом выше обитали Мандельштамы. К ним часто приезжала погостить из Петербурга Ахматова. Получилось так, что Мандельштамы привели на постой к Ардовым Анну Андреевну, — у них в тот момент все спальные места были заняты.

Старик в кондитерском магазине покупал у продавщиц давленные карамельки с вареньем, которые те должны были списывать. Но конфеты эти очень трудно было оторвать от фантика. С Ахматовой они эти карамельки ели прямо с обертками. И однажды Анна Андреевна поинтересовалась: «Ардов, их хоть при вас дают?»

Ни мама, ни отец домашним хозяйством не занимались. В доме у родителей всегда была домработница. Даже в тот период, когда они впятером жили в легендарной комнате. Отец умело руководил хозяйством. Каждое утро он выдавал домработнице ценные указания: что и где купить. Денег мои родители никогда не жалели. В моей семье тратили все заработанное легко.

Кстати, вся мебель красного дерева в стиле ампира, которая всегда стояла в нашем доме, сейчас я ее вывез в свой загородный дом, — из родового имени Ольшанских. Отец имел много разных знакомств. В том числе знал с московскими краснодеревщиками. Они-то и помогли содержать нашу мебель в приличном состоянии.

В общем, в двадцатые годы Ардовы жили беззаботно и интересно.

Записала НАТАЛЬЯ ГРИДНЕВА